

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

МАРК ФРОСТ

Список
СММ

ЭКМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Ф 92

Mark Frost

THE LIST OF SEVEN

Copyright © 1993 by Mark Frost

Оформление серии *С. Шикина*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Фрост М.

Ф 92 Список семи / Марк Фрост ; [пер. с англ. В. Волостниковой. — М. : Эксмо, 2013. — 480 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-67630-9

Лондонский врач Артур Конан Дойл приглашен на спиритический сеанс, во время которого происходят зверские убийства. Спасаясь от преследователей, Дойл встречает таинственного человека в черном и оказывается вовлечен в череду загадочных и необъяснимых событий, из которых сражение с ожившими мертвецами — еще не самое жуткое. Человек в черном обладает великолепным дедуктивным мышлением и умеет играть на скрипке... Вам это ничего не напоминает?

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Волостникова В., перевод на русский язык, 2010

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-67630-9

Посвящается Джоди

Все, чего от нас требует
Дьявол, — это безмолвное со-
гласие... не борьба, не бунт.
Безмолвное согласие.

Глава 1

КОНВЕРТ

Конверт был кремового цвета из тонкой, но плотной бумаги с едва заметными бороздками, без водяных знаков. Дорогой конверт. На нем кое-где налипла грязь, когда его подсунули под дверь, нечаянно замяв уголки. Доктор даже шороха не услышал, хотя слух у него был великолепный, как, впрочем, и зрение.

Он весь вечер сидел в гостиной, подбрасывая поленья в камин, погруженный в чтение весьма туманного сочинения. Минут сорок назад доктор отвлекся от текста, увидев краем глаза, как по лестнице поднимается госпожа Петрович со своей доходягой таксой. Собака упиралась и тянула хозяйку назад на кухню, к кастрюлям с тошнотворным варевом из тушеной капусты. Доктор заметил, как по натертому до блеска полу у двери промелькнули их колеблющиеся, расплывчатые тени. Тогда никакого конверта там не было.

Доктору было лень каждый час доставать часы из кармана и щелкать крышкой, проверяя время. И потому он положил их открытыми на письменный стол. Время, точнее, бессмысленная необходимость как-то его тратить донельзя досаждала ему. Он взглянул на часы, когда собака, морда которой почему-то казалась ему крысиной, и ее худосочная меланхоличная хозяйка прошаркали мимо. Было четверть десятого.

Доктор снова обратился к чтению. «Неизвестная Исида». Наверняка эта Блаватская просто сумасшедшая. Тоже русская, как и Петрович, которая любила побаловаться сливянкой собственного приготовления. Кто мог предвидеть, что разрешение русским подданным поселяться на английской земле станет роковой ошибкой? Пожив какое-то время на чужбине, эти люди просто начинали сходить с ума. Впрочем, это может быть и совпадение. Старая дева с больным сердцем и свихнувшаяся на сумасбродной идее маньячка-трансценденталистка с вечно торчащей во рту сигарой — еще не доказательства...

Доктор вернулся к началу книги, чтобы еще раз взглянуть на фотографию Елены Петровны Блаватской, помещенную на фронтиспise: сверхъестественное спокойствие, ясный пронзительный взгляд. Большинство людей инстинктивно отдергиваются от фотокамеры, жужжащей, как насекомое; Блаватская, наоборот, словно потянулась к ней и застыла... «Но кто я такой, чтобы комментировать внешность этой высокоученой дамы?» — подумал Дойл. «Неизвестная Исида». На сегодняшний день издано уже восемь томов, и обещают опубликовать новые, каждый том свыше пятисот страниц. И это только четвертая часть всех ее работ, смысл которых — проанализировать и посрамить все известные человечеству духовные открытия и философские системы; иными словами, создать новую теорию, переосмысляющую все сущее.

Факты биографии Блаватской свидетельствуют, что лучшие годы из своих пятидесяти с небольшим она провела, колеся по свету, общаясь с разными оккультистами. Происхождение своей книги она объясняет святым вдохновением, снизошедшим на нее благодаря милости богов, явившихся пред ней наподобие тени отца Гамлета. Далее она заявляет, что время от времени кто-то из святых вселяется в нее, берет бразды прав-

ления в свои руки и таким образом происходит процесс *автоматического письма*, как она изволит это называть. Действительно, в книге чувствуются два совершенно разных стиля — доктор не был уверен, что их стоит называть разными «голосами». Что же касается содержания, то все это несусветная чушь и мышьяная возня: какие-то исчезнувшие континенты, космические лучи, коренные расы и вдобавок к этому каббалистические проделки черных магов. Справедливости ради надо сказать, что в своих собственных сочинениях он использовал сходные понятия, однако то были художественные произведения, а не новоиспеченная религия, которую подсовывает эта дамочка, черт ее побери.

Размышляя обо всем этом, доктор обернулся... и заметил конверт. Как он здесь оказался? Вероятно, что-то отвлекло внимание доктора и он не заметил, как кто-то сунул конверт под дверь. Он не помнил и не слышал ровным счетом ничего: ни шагов, ни шороха одежды, ни звука опустившегося на пол колена — в общем, ничего. Между тем на полу лежал предмет, свидетельствовавший о побывавшем здесь визитере. Неужели его так захватили мысли о Блаватской, что он потерял всякое ощущение времени и пространства? Маловероятно. Даже в операционной, полностью сосредоточившись на пациенте, он улавливал любой посторонний звук, словно спящая кошка.

И все-таки конверт лежал на пороге. И пролежал там... сейчас десять часов... целых сорок пять минут. А может быть, его принесли только что и визитер до сих пор стоит за дверью?

Доктор прислушался, чувствуя, как учащенно бьется его сердце и во рту от непонятного страха появляется противный привкус. Все это ему было слишком хорошо знакомо. Он встал из-за стола и взял из стойки у двери тяжелую трость. Выставив вперед блестящий шар набалдашника, доктор резко распахнул дверь.

То, что он успел разглядеть в полумраке освещенного газовым рожком коридора — хотя, возможно, он вообще ничего не видел, — было, скорее всего, лишь зацепкой для самоуспокоения: подгоняемая сквозняком, из холла выпорхнула легкая тень. «Это похоже на взмах черного шелкового платка мага», — подумал Дойл. Во всяком случае, так ему показалось в тот момент.

Коридор был пуст. Дойл не заметил ничего свидетельствующего о недавнем присутствии здесь постороннего человека. Где-то поблизости послышались заунывные звуки плохо настроенной скрипки; потом завопил младенец, а с улицы, вымощенной булыжником, доносился цокот копыт.

«Это все из-за Блаватской, — решил он. — Вот что значит читать ее белиберду после наступления темноты. Вероятно, я легко поддаюсь чужому влиянию», — пробормотал доктор, удаляясь в свою комнату и запирая дверь. Он поставил трость на место и вновь стал рассматривать конверт, который до сих пор держал в руке.

Конверт был квадратным. Без какой-либо надписи. Дойл поднес его к лампе, но бумага не просвечивала, и рассмотреть, что в нем, было невозможно. Обычный конверт.

Достав саквояж, он вытащил острый ланцет и уверенным движением хирурга вскрыл конверт. Тонкий пергаментный листок лежал у него на ладони. Никакой монограммы или другого знака на листке не было, и все же было ясно, что письмо мог отправить состоятельный джентльмен или благородная дама. Развернув сложенный вдвое листок, Дойл прочел:

«Сэр.

Требуется Ваше присутствие по делу чрезвычайной важности и срочности, имеющему касательство к мо-

шеннической практике спиритуалистов. Мне известно о Вашем сочувственном отношении к людям, ставшим жертвами этих негодяев. Вы окажете поистине неоценимую помощь тому, чье имя не может быть названо в этом коротком послании. Как человека набожного и ученого, умоляю вас не опаздывать и явиться вовремя. Жизнь невинного находится под угрозой. Жду Вас завтра в восемь вечера в доме 13 по Чешир-стрит.

Да благословит Вас Бог».

Дойл повертел листок в руках. Письмо было написано печатными буквами, четко и разборчиво: писал человек, без сомнения, образованный. Перо словно врезалось в податливый пергамент; почерк был твердый, с нажимом; писавший не спешил, но и не раздумывал над каждым словом; все послание было пронизано плохо скрытым страхом.

Это был не первый случай, когда он получал письмо с просьбой такого рода. Деятельность доктора, направленная на разоблачение мошенничества бесчисленных медиумов и их прихвостней, была хорошо известна в определенных кругах Лондона. И хотя доктор не любил появляться в обществе и принимал различные меры к тому, чтобы о нем не распространялись нежелательные толки, слухи о его деятельности все же доходили до людей, нуждавшихся в его помощи. Итак, это была не первая просьба, хотя, пожалуй, самая страстная.

Ни запаха духов, ни другого запаха от листка не исходило. Почерк без всяких цветистых закорючек. Угадать по нему пол писавшего невозможно. Настоящая анонимка.

«И все-таки писала женщина, — подумал Дойл. — Богатая, образованная, испытывающая отвращение к скандалам. Замужняя или состоящая в известных отношениях с человеком, занимающим высокое положе-

ние в обществе. Новичок среди любителей спиритических сеансов. Вероятно, отправительница письма недавно перенесла тяжелую утрату или страшилась ее».

«Жизнь невинного находится под угрозой». Это мог быть ее супруг или ребенок...

Указанная улица находилась в Ист-Энде, возле Бетнал-Грин. Гнусное местечко. Приличная дама не рискнула бы разгуливать там одна. Но решительный, не знающий сомнения мужчина без колебаний ответит на брошенный ему вызов.

Прежде чем снова углубиться в чтение Блаватской, доктор Артур Конан Дойл подумал, что надо почистить и зарядить револьвер. Был канун Рождества 1884 года.

Квартира, в которой жил и работал Дойл, занимала второй этаж ветхого здания в рабочем пригороде Лондона. Это были скромные апартаменты, состоящие из гостиной и тесной спальни, — квартира человека неприхотливого, ограниченного в средствах. Дойл обладал привлекательной внешностью и имел свой взгляд на вещи. Целитель по призванию и вот уже три года практикующий хирург, он приближался к своему двадцатипятилетию и должен был стать равноправным членом братства людей, с достоинством выполняющих свой долг и в то же время лучше других осознавших собственную смертность.

Как врач, он был абсолютно убежден в непогрешимости и надежности науки, однако это почему-то не ограждало Дойла от совершения ошибок на избранном поприще. Хотя он покинул лоно католической церкви почти десять лет назад, неутоленная жажда веры в Бога терзала его постоянно, и он надеялся, что религиозное чувство остается единственным фактором, который с помощью науки может доказать существование души в человеке. Он всерьез полагал, что именно наука откроет ему высшие тайны духа. Однако рядом с

этой непоколебимой уверенностью в нем так же прочно уживалось дикое, абсолютно беспочвенное желание вырваться из пут до тошноты осязаемой реальности и с головой окунуться в мистический мир магии, не считающий смерть конечной точкой бытия. Эта страсть преследовала его, как неотвязный призрак. Но он никогда и никому не рассказывал об этом.

Чтобы хоть как-то усмирить желание бросить все и сдать свои позиции, он погрузился в чтение Блаватской, Сведенборга и других неисправимых мистиков. Он разыскивал их сочинения в неведомых никому книжных лавках, надеясь найти для себя доказательства их правоты, ощутимые и бесспорные. Он стал постоянным посетителем собраний Лондонского союза спиритуалистов. Он знакомился с медиумами, пророками и провидцами, устраивал спиритические сеансы у себя, посещал дома, где, по слухам, витали души умерших. Дойл твердо придерживался трех принципов: наблюдательности, точности и дедукции, именно они являлись краеугольными камнями теории, на которой он проверял собственные ощущения. Свои наблюдения он записывал по-врачебному тщательно, не делая поспешных выводов. Это была своего рода преамбула к более обширной работе, смысл и очертания которой со временем должны были определиться сами.

По мере того как углублялись исследования, его внутренние борения между наукой и верой, этими двумя непримиримыми полюсами, становились все более жестокими и неодолимыми. Тем не менее он не сдавался, слишком хорошо зная, что ждет проигравшего в подобной борьбе. По одну сторону баррикады сплотились оголтелые радетели общественной морали, прикрывавшиеся знаменами церкви и государства, заклятые враги любых перемен, давно никого не вдохновлявшие, но не желавшие отступать; по другую — тысячи несчастных, привязанных к койкам в домах для ума-

лишенных и гноящихся в собственных испражнениях; их глаза загорались только тогда, когда помутненное сознание рождало в них совершенные образы божеств, посылавших им откровения.

Дойл не проводил четкой границы между этими крайностями, ибо отлично знал, что путь совершенствования человека — а именно его он жаждал найти — пролегает посередине. Доктора не покидала надежда, что если наука окажется бессильна помочь в поисках этого пути, то, возможно, его исследования дадут истинное направление самой науке.

Решимость Дойла принесла определенные результаты. Во-первых, когда ему доводилось сталкиваться с подлогами и бессовестным обманом слабых наглыми проходимцами, он без колебаний разоблачал этих мерзавцев. Большинство из них были обычными преступниками, понимавшими лишь язык грубой силы: бранные слова, разбитые головы, угрозы физической расправы... По настоянию инспектора Скотленд-Ярда Дойл с недавнего времени носил револьвер. Это произошло после того, как на него набросился с ножом разоблаченный им шарлатан. Ножевое ранение в грудь чуть не отправило доктора в Великое заповедье.

Во-вторых, постоянно разрываясь между двумя несовместимыми стремлениями — жаждой веры и попыткой ее научного осмысления, вместо того чтобы безраздельно отдаться вере, Дойл остро нуждался в том, чтобы излить кому-то свою изболевшуюся душу.

Казалось, он нашел идеальный способ, начав писать художественные произведения. В них все его разнообразные впечатления и знания, почерпнутые в этом безумном мире, сильно смахивавшем на преисподнюю, вылились в понятные всем рассказы с необычным содержанием: о страшных и загадочных поступках, совершаемых злодеями, которым бросали вызов люди

просветленные и умные — в некотором роде похожие на него самого, — осознанно и бесстрашно кидавшиеся в бездну подстерегавших их опасностей.

Став беспристрастным биографом своих героев, Дойл за несколько лет закончил четыре рукописи. Следуя писательской традиции, он отослал три из них в разные издательства. Все они были единодушно отвергнуты и возвращены автору, и Дойл с чистой совестью сложил их в тростниковую корзину, привезенную им из странствий по теплым морям. Но он все еще ждал отзыва на свое последнее сочинение, озаглавленное «Темное братство». Дойл считал этот рассказ завершенным произведением, вполне пригодным для печати. Для такого суждения существовал целый ряд причин, немаловажной из которых являлось его горячее желание вырваться из сетей бедности и убогой обстановки всей его жизни.

Дойл был человеком, что называется, сделавшим себя. Он не особенно заботился о своем внешнем виде, но испытывал определенную неловкость при встречах со светскими щеголями, ибо вынужден был втягивать в рукава вытертые кромки манжет, красноречиво свидетельствовавшие о его финансовых трудностях.

Пороков за свою жизнь Дойл насмотрелся достаточно, его нимало не привлекали соблазны, манившие своей доступностью, и до сих пор ему удавалось их избегать. Хвастуном он не был никогда, предпочитая больше слушать, чем говорить. Как всякий нормальный человек, Дойл надеялся, что со временем его жизнь станет лучше, однако не особенно сокрушался, сталкиваясь с неизбежными разочарованиями.

Представительницы прекрасного пола вызывали в Дойле естественный и здоровый интерес, и равнодушный взгляд женщины задевал его за живое, вместе с тем порождая в нем определенную нерешительность. Такое отношение пока что надежно защищало молодого

го человека от переживаний больших, чем обычная досада. Но, как ему вскоре предстояло узнать, переживания могли привести и к более серьезным последствиям.

Глава 2

ДОМ 13 ПО ЧЕШИР-СТРИТ

Дом 13 по Чешир-стрит был расположен в центре квартала. Его окружали точно такие же ветхие строения, более похожие на театральные декорации, чем на жилые дома. Четыре ступеньки вели к покосившейся входной двери. Дом нельзя было назвать развалюхой, но вид у него был обшарпанный и убогий. Однако зловещим он вовсе не казался. Обычное безликое здание, как десятки других вокруг.

Дойл наблюдал за домом с противоположной стороны улицы. Он прибыл за час до назначенного времени, а потому не торопился. Уличное освещение было никудышным, прохожие и экипажи были редки. Дойл расположился в тени какого-то строения, уверенный, что его никто не заметил, и следил в небольшую подзорную трубу за входом в дом, куда его пригласили.

Тусклый свет газового рожка пробивался сквозь легкие занавеси гостиной. Дважды в течение последней четверти часа в окне мелькали неясные тени. Один раз невидимая рука раздвинула занавеси, и какой-то мужчина выглянул на улицу...

В 7.20 Дойл увидел человека, закутанного в пестрый плед. Некто торопливо протопал вниз по улице, поднялся по ступеням и трижды, с короткими паузами, постучал в дверь. Помедлив секунду, постучал в четвертый раз. Рост, вероятно, чуть больше полутора метров, вес больше восьмидесяти килограммов. Лицо человека закрывал большой воротник, но Дойл успел

заметить новые ботинки, застегивающиеся на пуговицы. Значит, это женщина. Дверь отворилась, и тучная дама вошла внутрь. Но открывшего дверь человека Дойл разглядеть не успел.

Пять минут спустя к дверям подлетел мальчишка и повторил условный стук. Он был одет кое-как, в руках держал увесистый сверток, обернутый в газету. Но и его Дойл как следует не рассмотрел.

Между 7.40 и 7.50 прибыли две пары. Первая — пешком. И мужчина и женщина явно люди простые; женщина с лицом землистого цвета была в положении. Мужчина крепкого телосложения занимался, по-видимому, тяжелым физическим трудом. Костюм был ему маловат, и он чувствовал себя крайне неловко. Они тоже постучали в дверь условным стуком. В подзорную трубу Дойл видел, что мужчина чертыхается, стараясь излить свою злость, а женщина, опустив глаза, терпеливо выслушивает его ругань. Дойл пытался понять по движению губ, что говорит мужчина. Получилось что-то вроде «Деннис» и «болтун». Болтун? Они вошли в дом; дверь захлопнулась.

Вторая пара приехала в кебе. Не в дешевом городском, а в собственном, с кожаным верхом, запряженном прекрасной гнедой лошастью. Судя по тяжелому дыханию животного, экипаж гнали не меньше часа. Если они приехали с западной стороны, то, значит, из Кенсингтона или из Риджентс-парка, который расположен в самой северной части города, предположил Дойл.

Кучер спустился со своего места и открыл дверцу экипажа. Платье кучера и его почтительность говорили о том, что это старый слуга, хорошо знающий свои обязанности. Ему было около пятидесяти, и выглядел он мрачновато. Первым вышел молодой человек, стройный, бледный, одетый в модный костюм с галстуком и манишкой. Он был в бобровой шапке, это говорило о том, что он, отправляясь на сеанс, либо переста-